ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

DOI: 10.21779/2500-1930– 2018-33-1-109-116

К.М. Магомедов

Был ли Сократ неграмотным или о специфике гуманитарного познания

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; magomedov49@mail.ru*

В статье раскрываются некоторые особенности философствования и гуманитарного знания в целом. Отмечаются преимущества устного диалога перед письменной культурой, например всевозможные интонационные приемы передачи информации, различные фигуры умолчания. Показывается также ограниченность формально-логической метрики мышления, неспособной передать всю палитру гуманитарного дискурса. В связи с этим в статье раскрывается слабая эффективность новых информационных и тестовых технологий, широко внедряемых в образовательное пространство, в преподавании философских и гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: *Сократ, устная и письменная речь, гуманитарное знание, логика, логическая интонация, фигуры умолчания.*

Всем известно, что Сократ никогда и ничего не писал, следовательно, как и большинство его современников, мог бы считаться неграмотным. Поэтому он только беседовал с людьми и имел огромное влияние на них. А раз он не записывал своих мыслей, то и не пытался создать какого-то цельного философского учения. Парадоксальность данного факта, передающегося из учебника в учебник, усиливается еще тем, что, согласно Сократу, путь к добродетели лежит именно через знание, а незнание порождает в пороки.

Когда на философском факультете в Ростове-на-Дону и МГУ я изучал Сократа, то был уверен в том, что причина отсутствия написанных им работ в его неграмотности. Только позднее меня осенила мысль: главная причина отмеченного выше парадоксального обстоятельства заключается совершенно в другом – в понимании невозможности строго монологического философствования, убежденности в майевтичности, созидательности самого устного диалога, живого общения, лежащего в основе диалектической культуры. И вряд ли глубоко эрудированный античный мыслитель был неграмотным человеком.

Согласитесь, этот исторический факт всегда вызывает странное чувство: как неграмотный человек мог преодолеть маргинальную и достаточно наивную натурфилософию и выступить с концепцией, положившей начало подлинному философствованию? Как образованнейший человек своего времени мог быть неграмотным? Кого вообще можно считать грамотным? Связана ли грамотность только с умением читать и писать?

Известно, что в те времена вообще письменная речь не ценилась высоко, особенно по сравнению с ораторским и полемическим искусством. Это прежде всего было связано с диалогической природой мудрости, которая для того уровня развития комму-

никативных технологий, как правило, реализовывалась через механизмы устного общения. Во-первых, эпистолярные формы общения только формировались, не говоря о каких-то иных, хорошо известных в наше время.

Во-вторых, вполне возможно, что данный факт объясняется не столько неграмотностью Сократа, сколько его принципиальной позицией, согласно которой, искусство устной речи имеет в передаче мудрости неоспоримые преимущества перед письменной речью. Например, в возможностях эмоционального воздействия на собеседника, которых при живом диалоге, несомненно, больше, чем в любом ином личностном взаимодействии. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как он устами египетского царя Тамуса в диалоге «Федр» утверждает: в письменности ты не развиваешь память, а «даешь ученикам видимость мудрости, но не истину. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без изучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами и трудными для общения; они сделаются мнимо мудрыми вместо мудрых» [1, с. 64–65].

Великий Сократ оказывается прав и сейчас, в век печатной и электронной информационной культуры, и вот почему. Сегодня, чтобы получить какую-то информацию, необязательно ворошить кучу литературы или извлекать ее из глубин памяти, как в период доминирования устной речи. Достаточно только вспомнить, в какой книге есть данная информация или задать смысловое слово в поисковике. Это, естественно, приводит к утрате многих интеллектуальных способностей. Как отмечает М. Маклюэн, печать приводит к полному отделению визуальности от аудиотактильной организации чувств. Современный читатель, когда смотрит на страницу, преобразовывает то, что видит, в звук. Поэтому припоминание материала, прочитываемого глазами, затрудняется усилием припомнить как визуальный образ, так и слуховой. Люди с хорошей памятью – это, как правило, люди с фотографической памятью. Это означает, что они не занимаются перекодированием информации с «языка глаза» на «язык уха» и обратно и не страдают от того, что нужное слово «вертится у них на кончике языка» [2, с. 140].

В-третьих, не секрет, что в устном диалоге и живом общении огромную роль играют не только содержательные аспекты информации, но и интонационные. Как поется в знаменитой песне Е. Ваенги «Я курю, мама»: «Да не важно, что ты сказал, / Ведь не важно, что, а как, / Я тебя услышала, я поняла, / Да и ты далеко не дурак».

Не случайно М.К. Мамардашвили называет философию «сознанием вслух» и говорит, что она «не преследует никаких целей, помимо высказывания вслух того, от чего отказаться нельзя» [3, с. 18]. Сказанное этим гениальным мыслителем в полной мере относится не только к философии но и ко всему гуманитарному знанию.

Почему многие философствующие мыслители даже сейчас, в информационный век, особенно не доверяют письменным, текстовым каналам общения и стараются следовать сократовскому, «майевтическому» пути устного диалога? Нам представляется, что это не случайно. Все дело в том, что технологии устного диалога имеют некоторые неоспоримые преимущества перед другими каналами общения. Например, из основ логики и психологии известно о значении логической интонации в передаче информации, когда в зависимости от логического ударения смысл суждения меняется даже на противоположный. К сожалению, визуальная и виртуальная информация, на которой основаны все письменные тексты, не в состоянии передать многообразную палитру интонаций тонов и полутонов. И правильно говорят в народе: есть только один способ написать слово «нет», и существует не менее тысячи способов произнести его. Некоторые женщины даже слово «нет» могут произнести так, что оно означает на самом деле «да» А. Владимир Высоцкий, чей 80-летний юбилей мы недавно отмечали, замечал, что да-

же "здравствуй" можно сказать так, чтобы оскорбить человека, даже "сволочь" можно сказать так, что он растает от удовольствия.

Если для естественнонаучного знания роль логического ударения не столь существенна, то для социально-гуманитарного дискурса оно чрезвычайно важно. Например, даже такое достаточно простое предложение «Наполеон умер 5 мая 1921 года» в зависимости от интонации может иметь как минимум три различных значения. Такое логическое ударение: во-первых, может быть сделано на субъект-подлежащее; во-вторых – на предикат-сказуемое; в-третьих – на обстоятельство времени.

Мы привели достаточно простой пример, чтобы убедить читателя в важности учета в аналитическом дискурсе логического ударения и интонационных нюансов. Для сложных литературных и философских формулировок, примеры которых можно приводить бесконечно, значение логического и интонационного ударения трудно переоценить.

Согласитесь, тестовые технологии, широко внедряемые и в систему гуманитарного знания, построенные по принципу «да» или «нет», не позволяют вообще учитывать такую интонационную подоплеку всякого дискурса. В этом аспекте отказ от живого устного полемического диалога, отход от сократовских майевтических традиций, с которых мы не случайно начали статью, – путь для социально-гуманитарного знания не самый эффективный [4; 5; 6].

Еще одна причина, по которой нельзя увлекаться тестовыми технологиями, состоит в следующем. Все подобные тестовые практики, включая и кейс-задания, построены в конечном счете на принципах формальной логики, в которой действуют законы противоречия и «исключенного третьего», и основанных на них метриках измерения истинности знания.

Сама метрика истинностного измерения знания не остается без изменений. Она изменяется вместе с логической динамикой мышления. В условиях классического мышления, где действуют линейная логика бинарных оппозиций и известные законы противоречия и «исключенного третьего», функционирует логическая модель истинности, суть которой в суждении «А или –А». Данная логика справедлива для мышления в целом, поскольку оно истинно, если непротиворечиво, перестает удовлетворять наш познавательный интерес в современной парадигме мультикультурализма и постмодернизма, предполагающих отказ от подобной бинарной, двоичной логики и оппозиционности ценностных измерений. Здесь действует диалектическая, множественная логика по формуле «А и –А».

Необходимо дифференцировать истинностные механизмы, действующие в естественных и социально-гуманитарных науках. Если классическая или гносеологическая модель истинностного измерения знания применима к различным предметным областям естествознания, то об эффективности подобного подхода к социальным и гуманитарным процессам, имеющим «ризоматическую» метрику, если использовать терминологию постмодерна, говорить не приходится. Всевозможные дефляционные теории истины, расплодившиеся в последнее время в большом количестве, подтверждают эту особенность действия истинностных критериев в социально-гуманитарном дискурсе.

Инклюзивная теория истинности, предложенная акад. Смирновым А.В. в ряде публикаций, согласно которой не может считаться истинной та религия, которая не признает истинность другой религии, имеет более широкую метрику применения и должна быть использована оценке любого мировоззрения и всякой гуманитарной и социальной парадигмы [7, с. 50]. Эта формула должна иметь следующее звучание: не мо-

жет считаться истинной социально-гуманитарная теория, которая не признает истинность и ценность другой теории.

Опираясь на эту инклюзивную теорию, можно утверждать, что в современных условиях формируется своеобразная формула *всеистинности* в оценке социально-гуманитарного и мировоззренческого дискурса. (В связи с этим вспоминается концепция Всеединства В. Соловьева, которая базируется на признании эвристичности всех возможных форм постижения мира и человека: опыта и знания, чувств и разума, науки и религии, мышления и интуиции, веры и доказательства и т. д.)

Сказанное, конечно же, не означает, что под инклюзивные стандарты истинности и ценности должны подводиться все без исключения духовные явления. Ведь есть и такие, которые не вписываются в общечеловеческие ценностные, культурные, правовые и нравственные каноны, преследуют деструктивные цели. Они, естественно, должны быть запрещены и объявлены вне закона.

Метрика истинности для естественнонаучного знания и метрика истинности для социогуманитарного знания могут различаться полярным образом, о чем мы говорили в ряде статей [8; 9]. Сравните суждение «Волга впадает в Каспийское море», которое часто приводится в учебниках по формальной логике как пример предложений, истинность которых не вызывает сомнений. Естественно, все иные форматы оценки подобных суждений рассматриваются в науке как неистинные. А теперь сравните поэтическое метафорическое суждение из известной советской песни в исполнении Марии Пахомовой: «Кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море? Волга впадает в сердце мое!». Согласитесь, автор этой песни и знаменитая певица правы не меньше, чем обыватель, для которого верен только первый тезис. (Кстати, необходимо отметить, что для многих исследователей и первый тезис является достаточно спорным. Например, как отмечает проф. Мозжерин В.И., и по объему водостока, и по широте бассейна, и по другим гидрографическим показателям впадающей в Каспийское море необходимо считать реку Чусовую, куда впадают и Кама, и Волга) [10].

Необходимо также иметь в виду, что в бинарной логике истинностной оценки знания обобщен преимущественно опыт западноевропейского, если можно так выразиться, гносеологического измерения знания. Опыт же восточного познавательного менталитета учитывается далеко не в полной мере. Не секрет, что известные классические, корреспондентская и когерентная, модели истины универсальны не для всех форм постижения мира и форм знания. Очевидно, что они «работают» только при гносеологическом измерении знания. Последнее более действенно в пределах западного номинативного мышления, ориентированного преимущественно на постижение объективной метрики бытия, объяснение фактов природной и социальной действительности, где действует дихотомическая формальная логика, с ее законами противоречия и «исключенного третьего».

Для восточного мышления такая гносеологическая метрика знания не столь очевидна. Например, это убедительно прослеживается в даосизме, для которого принцип «недеяния» распространяется не только на сферы практических стратегий, но и на отношение к знанию как «вредной привычке». Как совершенно справедливо отмечает М.Т. Степанянц, даосский мудрец знает совсем не по-аристотелевски. Он не пускается в путешествия в поисках интеллектуальных открытий, но пребывает на одном месте, предлагая совершенствоваться в искусстве ограничения интеллекта во имя совершенствования присущих ему естественных способностей и инстинктов. Воздерживаясь от соблазнов знания, человек тем самым обретает способность действовать в полной гар-

монии с природой. Новые же знания ведут лишь к излишнему вмешательству, посягательству на естественный порядок вещей [11, с. 6].

Еще больше такая не гносеологическая, а праксеологическая направленность знания и метрики его истинностной оценки характерна для конфуцианства, для которого знание выходит за привычные гносеологические и эпистемологические стандарты. Знание здесь прежде всего – это знание о том, что нужно и что не нужно делать. Оно изначально имеет антропологическую, социальную и нравственную подоплеку.

В свете сказанного становится очевидным, что определяющим для китайского мудреца оказывается не гносеологическое измерение знания (а критерием достоверности знания выступает не концепт истинности, осуществляющийся через механизмы его корреспонденции и когеренции), а праксеологическое измерение через способность действовать в конкретных ситуациях, воплощение в благородных делах и поступках.

Тем более в соответствии с китайской мудростью многое вообще невозможно выразить в форме знания, но практически достижимо. Например, нирвану нельзя ни познать, ни описать через гносеологический дискурс, в форме знания; ее можно только пережить в индивидуальном духовном опыте, и не по воле Бога, как, скажем, в христианстве и исламе, а в результате индивидуального поиска и собственных усилий индивида. Поэтому здесь и не может действовать гносеологическая метрика знания, ориентированная на опосредованное, общее и всеобщее в процессах, на постижение мира в его истинностном содержании. Это возможно исключительно в форме непосредственного знания, включенного в имманентные жизненные механизмы в индивидуально-деятельном воплощении.

И еще один важный момент, характеризующий специфику гуманитарного дискурса, что также делает методики тестовых технологий слабоэффективными даже при использовании модных сейчас в образовательных технологиях кейс-заданий. Все дело в том, что любое тестирование ориентировано на оценку определенных видов суждений в конкретном контексте. А всевозможные *фигуры умолчания*, смысловые оттенки чтения «между строк», всевозможные интертекстуальные и паратекстуальные смыслы дискурса при тестировании вообще не рассматриваются.

Сами по себе всевозможные механизмы умолчания неплохо исследованы в литературе и ими пользуются во многих отраслях духовной культуры. Умолчание есть синтаксическая фигура: сознательная незавершенность высказывания, которая порождает неопределенность смысла и ведет к усилению выразительности [12, с. 53].

Один из моих руководителей как-то заметил: не бойтесь, когда я ругаюсь, кричу и выражаю свои эмоции. Бояться нужно, когда я молчу. И он по-своему прав. Хотя бы потому, как замечено мудростью, молчание – самый громкий крик, потому что оно рвет не уши, а сердце. Не секрет, что умная женщина своим молчанием может вызвать панику у мужчин. Ведь она не просто молчит; она *о чем-то* молчит. Давно известно: убивают людей не слова, убивает молчание. Действительно, отсутствие ответа – это тоже ответ, порой более убедительный и выразительный. Поэтому, как говорят, «молчание – ограда мудрости», «слово – серебро, молчание – золото».

Гнетущая и угрожающая символика человеческого и народного молчания замечательно раскрыта с разных сторон в отечественной и зарубежной литературе. А римский папа Бонифаций VIII, запугав своих кардиналов, провозгласил: «Qui tacet, consentire videtur» («Кто молчит, да будет рассматриваться как согласный»). Отсюда и произошел известный постулат: «Молчание – знак согласия», кстати, далеко не всегда справедливый.

Удивительное по патриотическому накалу стихотворение Т.Л. Щепкиной-Куперник «На Родине» («От павших твердынь Порт-Артура»), текст которого лег в основе известной народной песни, написанное в 1905 г., заканчивается такими пророческими словами: Ни слова солдат не ответил, / Лишь к небу он поднял глаза. / Была в них великая клятва / И будущей мести гроза [13].

А чего стоят фигуры умолчания в пророчествах у Ф. Достоевского, особенно в «Братьях Карамазовых»! Во-первых, это молчание и земной поклон старца Зосимы Дмитрию – жест, ошеломивший всех, в котором заключен глубочайший пророческий смысл: старец поклонился Мите за его будущие страдания. Еще более символичен знаменитый пророческий поцелуй Христа в *Легенде о Великом инквизиторе*, который до сих пор вызывает множество споров. Не вдаваясь в подробности этих интеллектуальных споров, заметим лишь то, что своим молчаливым поцелуем в уста Антихриста Иисус высказался громче всякой словесной интенции. Он отражает христианскую символику вселенского милосердия и всепрощения. Тем более очевидно, что Инквизитор служит дьяволу для того, чтобы манипулировать слабостями людей, которые вечно ищут рабского покоя и тиранического верховенства. Даже рационалист Иван Карамазов, который никак не увяжет страдания детей с обетованным царством, приходит к пониманию гармонии веры и разума, а потому – к осознанию того, что он также нуждается в Христовом попечительстве и прощении.

В связи со сказанным видится также глубинный смысл в знаменитом Христовом молчании на вопрос прокуратора Иудеи Понтия Пилата: «Что есть истина?». Хотя он на этот вопрос уже и давал раньше, во время Тайной вечери, однозначный ответ: «Я есть истина и свет», все же в данной ситуации счел более уместным воздержаться от ответа на этот вопрос перед язычником-римлянином, внутренне не готовым к восприятию нового мировоззрения, построенного на милосердии и всепрощении. В этом известном библейском эпизоде между строк отмечается, что молчание – лучший способ ответа на бессмысленные вопросы.

Молчание разным, поверьте, бывает.
Бывает лирическим и романтическим,
Бывает, без слов и упрёков прощает,
Бывает суровым и неприличным.
Бывает сухим. Или думами полным,
Бывает шкодливым, загадочно-веским,
И назидательным, даже притворным,
И издевательским, долгим и резким.
Молчание разным, поверьте, бывает,
Цепляет за сердце, уродует душу.
Одних исцеляет, других убивает,
Отсутствием дара услышать и слушать. [14]

Действительно, сказать и говорить – не одно и то же. Человек может говорить без умолку, но так и не сказать ничего. Другой, наоборот, «молча говорит о многом». Поэты и писатели много раз восторгались подобной способностью и выражали это красивыми метафорами. Мудрейший Шекспир в сонете 23 говорит: ...Умей понять, что сказано без звука. / Глазами слышать – вот любви наука.

А Владимир Высоцкий, как всегда, убедителен:

Красивых любят чаще и прилежней,
Веселых любят меньше, но быстрее.
И молчаливых любят, только реже,

Зато уж если любят, то сильнее [15].

Что ни говори, отсутствие ответа – это тоже ответ. Если мы сможем понять эту мысль, избежим многих разочарований.

Ислам также однозначно ответил на этот вопрос, подчеркнув роль различных фигур умолчания, поскольку Аллах знает даже о тех словах, которые ты не можешь произнести. Он знает о боли, о которой никто больше не знает. Он видит твою печаль, которую не видит никто другой. Поэтому исламом признано: если тебя ругают, за тебя отвечает ангел до тех пор, пока ты молчишь.

Есть даже смысл говорить не только о человеческом молчании, но и о природном безмолвии. О зловещей, гнетущей тишине, в которой становится угрожающе дискомфортно, неуютно и даже страшно, особенно человеку, привыкшему к цивилизации. Это гениально выразил Д. Лондон в «Белом Безмолвии»: «У природы много способов убедить человека в его смертности: непрерывное чередование приливов и отливов, ярость бури, ужасы землетрясения, громовые раскаты небесной артиллерии. Но всего сильнее, всего сокрушительнее – Белое Безмолвие в его бесстрастности. Ничего не шелохнется, небо ярко, как отполированная медь, малейший шепот кажется святотатством, и человек пугается своего голоса... И на человека находит перед смертью, перед богом, перед всем миром, а вместе со страхом – надежда на воскресение и жизнь и тоска по бессмертию – тщетное стремление плененной материи; вот тогда-то человек остается наедине с богом» [16, с. 34–35].

Таким образом, устная речь имеет множество неоспоримых преимуществ перед письменной культурой, что непременно необходимо учитывать в педагогической практике. Например, реферативные формы организации практических и семинарских занятий, если они не сопровождаются конструктивным устным полилогом, утрачивают в век цифровых технологий свою былую эффективность. А формализованные информационные и тестовые технологии, широко внедряемые в практику обучения и контроля успеваемости, не могут быть универсальными и подменять собой механизмы живого визуально-вербального, диалогического общения, особенно в социально-гуманитарном образовании. Тем более неправильно их использовать в качестве инструмента окончательной, итоговой оценки знаний и умений студентов на экзаменах.

Литература

1. Платон. Федр // Соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993.
2. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. – М.: Ника-Центр, 2005.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992.
4. Билалов М.И., Магомедов К.М. Специфика философии, о разных логиках и о границах применения информационных технологий в учебном процессе // Вестник ДГУ. – 2012. – Вып. 6. – С. 101–109.
5. Билалов М.И., Магомедов К.М. Тестовые методики в социальном и гуманитарном образовании // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 (Ч. 8). – С. 921–926.
6. Магомедов К.М. О некоторых пределах применения информационных технологий и тестовых методик в гуманитарном образовании // Гуманитарный часопис. – 2013. – № 1 (34). – С. 128–139.
7. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции, Москва–Махачкала, апрель 2015 г. – М.–Махачкала: Дельта-Пресс, 2015.

8. Магомедов К.М. Логическая концепция истины и ее пределы // Поиск истины в пространстве современной культуры. Сборник научных статей. Вып. 2. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического университета, 2016. – С. 13–18.

9. Магомедов К.М. Об одной важной особенности гуманитарного знания // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1–3 декабря 2017 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2017. – С. 378–382.

10. Не Волга впадает в Каспийское море //marty.d3.ru). Обращение 21.01.2018.

11. Степанянц М.Т. Знание и вера: многообразие культурных подходов // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 3–13.

12. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1999. – 71 с.

13. Щепкина-Куперник Т.Л. На Родине («От павших твердынь Порт-Артура» ...) // Антология военной поэзии. – М.: Лира, 2006. – С. 32.

14. Мотиваторы и позитив //https://mumotiki.ru/node/2393. [Эл. ресурс]. Обращение 18.01.2017.

15. <https://www.inpearls.ru/>.

16. Лондон Д. Белое Безмолвие. – М.: Школьная библиотека, 2016. – 320 с.

Поступила в редакцию 30 января 2018 г.

UDC 101.1

DOI: 10.21779/2500-1930–2018-33-1-109-116

Was Socrates illiterate or about the specifics of humanitarian knowledge

K.M. Magomedov

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiyev st., 43a; magomedov49@mail.ru

The article reveals some features of philosophizing and humanitarian knowledge in general. The advantages of oral dialogue over the written culture are noted, for example, all kinds of intonational methods of information transmission, various figures of default. It also shows the limitations of the formal-logical metric of thinking, unable to convey the entire palette of humanitarian discourse. In this regard, the article reveals the weak effectiveness of new information and test technologies widely implemented in the educational space as well as in the teaching of philosophical and humanitarian disciplines.

Keywords: *Socrates, speaking and writing, the Humanities, logic, logical tone, shapes of silence.*

Received 30 January, 2018